

УДК 81

ЛЕКСИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОСНОВНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЛАГЕРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А.Е. Каменская

Тверской государственной университет, Тверь

Статья посвящена основным концептам русской и польской лагерной литературы XX века, а также способам лексической репрезентации данных концептов. Рассматриваются основные особенности общелагерной лексики, использующейся в произведениях лагерных писателей, некоторые черты авторских систем концептов, авторских наборов лексических средств.

Ключевые слова: *концептология, лексические репрезентации концепта, лагерная литература, польская литература, Варлам Шаламов, Тадеуш Боровский.*

Существует множество определений понятия «концепт». В.И. Карасик приводит ряд подходов к концептам, развиваемых разными авторами. Среди них следующие: концепт – идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия [6: 412]; концепт – личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения [3: 281]; концепт – это абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия [5: 246].

Мы будем рассматривать понятие концепта с точки зрения лингвокультурологического подхода. Г.Г. Слышкин в статье «Лингвокультурный концепт как системное образование» пишет, что «для когнитивиста одному концепту соответствует одна языковая единица; для лингвокультуролога концепт обладает свойством полиапеллируемости, т.е. может и должен реализовываться при помощи целого ряда единиц языка и речи» [4: 30]. Для нашего исследования полиапеллируемость концепта станет одной из важнейших его черт.

В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин утверждают, что лингвокультурный концепт должен обладать рядом признаков, среди которых ценностность, условность и размытость, изменчивость, полиапеллируемость, ограниченность сознанием носителя [2: 75–76]. Всеми этими признаками обладают конкретные концепты, которые будут рассматриваться нами в дальнейшем.

Предположив, что основополагающими концептами, формирующими мир лагерной литературы, будут концепты «страх», «смерть», «страдание», «голод», «болезнь», «боль», «жестокость», мы довольно точно набросаем общие черты лагерной системы концептов. Предположив, что эти концепты часто получают своё конкретное воплощение в лексемах с негативной семантикой (мортальной семантикой, семантикой насилия), мы также не ошибёмся. Однако некоторые нюансы лексической репрезентации системы концептов в лагерной литературе по-прежнему остаются без пристального внимания исследователей.

«Вход» в концепт осуществляется через те или иные лексемы. Взглянув на лексику, составляющую основу тех или иных произведений лагерной лите-

ратуры, мы обнаружим, что весь массив этой лексики может быть разделён на две части.

Первую лексическую группу составляет собственно лагерная лексика, т.е. лексика, бытующая в лагерях вообще, не зависящая от конкретного автора или конкретного произведения. Отметим, что само понятие лагерной лексики было разработано и описано в нескольких исследованиях, наиболее подробно – в диссертации Е.В. Харитоновой «Перевод русской лагерной лексики на английский язык: семантико-стилистические и лингвокультурологические аспекты: на материале американского и британского переводов “Архипелага ГУЛАГ” А.И. Солженицына» [7: 8–10].

Лексемы, относящиеся к группе собственно лагерной лексики, однообразны, стабильны, повторяются в разных текстах с малыми вариациями или вообще без вариаций. На первый взгляд, эта лексика не может поведать исследователю ничего интересного, поскольку она лишена следов авторского стиля. Однако это не так. В данной группе есть немало лексем, успешно репрезентирующих отдельные концепты и с большой точностью выражающих те или иные черты языковых картин мира – русской и польской.

Например, слово «доходяга» – одно из наиболее частотных у русскоязычных лагерных писателей. Доходяга – это человек, дошедший до крайней степени истощения, до порога смерти. Если в русском литературном языке слово «доходить» требует обязательного присутствия дополнения с предлогом «до» (доходить до чего-то), то в лагерном языке «доходить» – это самодостаточное понятие. Вероятно, некий аналог понятия «доходяга» должен был существовать и в польской лагерной литературе. Ведь в нацистских лагерях так же свирепствовали голод, холод, болезни, делающие из человека доходягу.

В польских лагерных текстах человек, растративший последние силы, обозначается словом «muzulman», т.е. мусульманин. В сознании русского человека мусульманин, мусульманство никак не связаны ни с голодом, ни со страданиями, ни с болезнью. У русскоязычного читателя слово «мусульманин» вызовет, скорее всего, следующий ассоциативный ряд: тепло, восток, пустыня, мечеть и т. п.

Откуда же взялся мусульманин-доходяга в польских текстах? Существует следующая гипотеза: ослабевшие лагерные узники внешне напоминали молящихся мусульман. Однако представляется разумным отметить ещё одну особенность определения «muzulman». Узники гитлеровских лагерей, находившихся на территории Польши, в отличие от узников советских лагерей, в большинстве своём были людьми религиозными – исповедующими иудаизм либо католицизм. Поляки привыкли добрососедствовать с иудеями (перед Второй мировой войной евреев в Польше было больше, чем где-либо в Европе), но человек, исповедующий ислам, для поляков – это нечто несообразное, нонсенс. Поэтому для узников лагерей, находившихся на территории Польши, понятие «мусульманин» обозначало кого-то, кто находился за гранью, кого-то не принадлежащего к обществу обыкновенных людей.

Русская лексема «доходяга» и польская «muzulman» апеллируют к одному и тому же концепту – личность, полностью раздавленная лагерной системой. Однако разница лексических воплощений данного концепта порождает

множество коннотаций. В свою очередь, эти коннотации показывают, сколь далеки друг от друга могут быть языковые картины двух родственных народов.

Если в русскоязычном тексте читатель встретит слово «лагерь», он не сразу поймёт, о каком именно лагере идёт речь – о немецком концентрационном, о советском исправительно-трудовом или, допустим, о пионерском? Лексема «лагерь» апеллирует сразу к нескольким концептам. В польском же языке имеются несколько слов для обозначения лагерей. Понятие «Lager», пришедшее из немецкого языка, обозначало концентрационный лагерь, слово «łager» (написанное через «ł») – советский исправительно-трудовой лагерь. «Literatura łagrowa» – этот относительно новый термин, вошедший в профессиональный обиход в начале 1990-х годов, выделял в особый раздел литературы книги о лагерях ГУЛАГа. То есть с 90-х годов XX века поляки начинают дифференцировать своих «обидчиков» – немцев или русских. Для русских же писателей (и, соответственно, литературоведов) лагерь – это лагерь. И неважно, немецкий он или советский. Такое недифференцирующее общее наименование разных лагерей актуализирует мотив общности, похожежности и родства всех тоталитарных режимов.

Лагерные преступления – это не обычные преступления от разгула страстей, но методичные преступления, подчинённые логике тоталитарной системы. Именно поэтому само наличие общелагерной лексики и возможность её классификации как нельзя лучше отражает одну из основных черт тоталитарного мира – систематичность лагерных преступлений.

Второй лексической группой, составляющей лагерные тексты, становится лексика авторская, т.е. лексические единицы, с помощью которых конкретный автор описывает лагерное существование. Здесь различия (как в наборе концептов, так и в наборе апелляций к ним) могут быть огромны, именно через лексику данного типа будут максимально проявляться характерные черты художественного мира того или иного автора. Например, мы едва ли найдём лексему «сентенция» в каком-либо лагерном тексте, за исключением «Колымских рассказов» Варлама Шаламова, где это слово обозначает один из основных концептов текста, приобретает массивность гиперонима, за которым скрыто огромное облако гипонимов и коннотативных значений. Рассказ под названием «Сентенция» – один из определяющих текстов для всего творчества Шаламова.

В основе рассказа – история возвращения к герою нормальных человеческих чувств, нормальных человеческих мыслей и нормального человеческого языка. Герой «Сентенции» после долгих лет невыносимого существования на приисках попадает на относительно лёгкую работу, на относительно «сытую» лагерную должность и наблюдает за удивительными физическими и духовными процессами, происходящими в нём. Герой отъедается, «обрастает мясом», перестаёт походить на скелет, а вместе с возвращением человеческого облика к герою возвращаются и человеческие чувства: он не позволяет вольнонаёмному топографу убить снегиря, защищающего своё гнездо.

Однако возвращение нормальных человеческих чувств, желания вступить за слабого, безразличия к судьбам иного живого существа не становится апогеем, финальным этапом возвращения человеческого к человеку. По-

следней возвращается речь. Вообще, важнейшей составляющей рассказа является рефлексия героя именно над лексическим наполнением собственной речи:

«Язык мой, приисковый грубый язык, был беден, как бедны были чувства, ещё живущие около костей. Подъём, развод по работам, обед, конец работы, отбой, гражданин начальник, разрешите обратиться, лопата, шурф, слушаюсь, бур, кайло, на улице холодно, дождь, суп холодный, суп горячий, хлеб, пайка, оставь покурить – двумя десятками слов обходился я не первый год» [8: 403].

Внезапно среди скудного набора повседневных лагерных слов и понятий появляется слово из прошлой, давно забытой жизни:

«Сентенция! – орал я прямо в северное небо, в двойную зарю, орал, ещё не понимая значения этого родившегося во мне слова. А если это слово возвратилось, обретено вновь – тем лучше, тем лучше!» [цит. раб.: 404].

Изначально в сознании героя появляется внешняя оболочка, звуковой облик слова, и только потом, значительно позднее – его смысл. Точно так же сам герой рассказа сначала обрёл человеческую внешнюю оболочку (перестал походить на скелет) и спустя долгое время – человеческое «наполнение» (чувства, мысли, стремления).

Лексема «сентенция» у Шаламова обозначает нечто гораздо большее, чем понятие «сентенция», зафиксированное в словарях. Через эту лексему проявляются взаимосвязанные концепты «воскрешения», «возвращения к жизни», «очеловечивания». Рассказ «Сентенция» – это один из самых светлых текстов Шаламова. Концепт «воскрешения» репрезентуется в шаламовских текстах разнообразно. Одним из способов его репрезентации становится лексема «лиственница». Одна из частей «Колымских рассказов» так и называется – «Воскрешение лиственницы». Это насквозь аллегорический текст об удивительной биологической способности лиственницы пускать корни даже после очень долгого нахождения в губительных для неё условиях.

Исследователи много писали об этических проблемах, поднимавшихся в лагерных текстах, о проблемах «расчеловечивания», превращения людей в нелюдей. Однако справедливым выглядит и предположение, что не менее важной проблемой становится проблема не этического, но ментального свойства. Лагерь не только ожесточает сердца, но и отупляет умы. Лагерный человек всё время вращается в круге из нескольких десятков понятий (смерть, голод, боль, страх) и не может вырваться из этого круга. Поэтому и лагерный писатель (т.е. человек, вышедший из лагеря) оказывается замкнут в ограниченной системе концептов. Не тем и не мотивов, а именно концептов как необходимых базовых единиц, выстраивающих его сознание. Концепты, составляющие лагерную литературу, проявляются в различных лексемах, но многочисленность «входов» в каждый из концептов системы не избавляет от узости самой системы.

Существование в рамках весьма ограниченной системы полиапеллируемых концептов – это лишь одна из черт лагерной концептологии. Лагерный мир – это мир перевёрнутых ценностей, мир антиценностей. Поэтому лагерная литература так часто показывает читателю причудливые хитросплетения положительного и отрицательного, позитивного и негативного, радостного и страшного.

Рассмотрим, например, цитату из Тадеуша Боровского: «люди горят, как груды добрых смолистых дров» [1]. Горение груды «добрых смолистых дров», безусловно, репрезентует положительные концепты – тепло, огонь, уют, безопасность. Положительную заряженность «смолистых дров» подчёркивает и определение «добрых». Но что сравнивается с дровами? – Мёртвые люди. С одной стороны, лирический субъект данного текста не может не радоваться тому, что сегодня он жив. С другой стороны, за продолжение его жизни заплачено жизнями других людей.

Ещё один пример: рассказ Боровского «Битва под Грюнвальдом». В средневековой битве под Грюнвальдом объединённые польско-литовские войска разгромили немецкие силы. Упоминание Грюнвальдской победы, актуализирующее в сознании польского читателя славнейшие страницы истории Польши, связано с концептами «победа», «слава», «гордость», «отвага» и т.п. После капитуляции гитлеровской Германии на улицах польских городов можно было увидеть плакат с изображением птиц, сидящих на шлемах и касках немецкого образца и надпись: «Грюнвальд 1410 – Берлин 1945». Читатель, принимающийся за чтение рассказа Боровского, мог с уверенностью ожидать от этого текста патриотического пафоса, воодушевления, пришедшего после победы над многовековым заклятым врагом поляков.

Рассказ «Битва под Грюнвальдом» повествует о лагере для DP (departed persons), т.е. для «перемещённых лиц». В центре повествования – один день в лагере, годовщина Грюнвальдской битвы, 15 июля 1945 года. Текст начинается с того, что недавние узники нацистского лагеря, которых в течение многих лет заставляли ходить строем, теперь, освободившись от немецких угнетателей, тоже ходят строем, уже без всякого принуждения: «Шесть лет в лагере по пятеро топали, теперь два месяца отдохнули и опять топают, слава богу и Родине, по четверо, а вместо капо – во главе идут офицеры» [1].

После победы над врагом ничего не изменилось. Лагерь нацистский сменился лагерем для DP, но за его территорию тоже нельзя выйти, продолжает свирепствовать не только голод, но и коррупция, выгодные лагерные должности покупаются так же, как и при немцах. Американские солдаты, охраняющие лагерь, не считают его обитателей за людей, равных себе. Продолжаются и бессмысленные гибели невинных – американцы по ошибке убивают подругу главного героя: «Мы здесь, в Европе, к этому привыкли, – равнодушно ответил я. – Шесть лет в нас немцы стреляли, теперь выстрелили вы. Какая разница?» [1].

Боровский постоянно, методично обманывает своего читателя, в заголовке обещая ему героическую сагу с цитатами из былых времён и представляя для чтения трагифарс, чёрную комедию, исполненную скептицизма и гадкого лагерного натурализма. В лагере выживание одних строится на смертях других, счастье одних – на несчастье других, сытость одних – на голоде других. Именно поэтому в лагерной литературе зачастую встречаются сочетания концептов отрицательной семантики и положительно заряженных лексических репрезентаций этих концептов.

Таким образом, если бы те концепты, которые были затронуты нами в данной статье, выражались прямо, непосредственно, с помощью лексем наиболее близких к данному концепту, лагерная литература утратила бы огромную часть своей силы. Она превратилась бы в протокол, с большей или меньшей

точностью описывающий происходящие события. Именно специфическая структура, с помощью которой выражаются основные концепты лагерной литературы, структура, нередко соединяющая в себе позитивно заряженное лексическое оформление концепта с отрицательно заряженным смысловым ядром концепта, лучше всего отображает специфику мира лагерей, вырисовывает портрет той эпохи, которую Андре Мальро окрестил «годами презрения».

Список литературы

1. Боровский Т. Прощание с Марией [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=198400&p=2> (дата обращения: 08.04.2017).
2. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. издание / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–79.
3. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
4. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и коммуникация». 2004. № 1. С. 29–34.
5. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М.: Молодая гвардия, 1995. 352 с.
6. Степанов Ю.С. Концепт // Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
7. Харитоновна Е.В. Перевод русской лагерной лексики на английский язык: семантико-стилистические и лингвокультурологические аспекты: на материале американского и британского переводов «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 М: Московский гос. обл. ун-т, 2007.
8. Шаламов В.Т. Сентенция // Шаламов В.Т. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М.: Книжный клуб Книговек, 2013. С. 399–406.

LEXICAL REPRESENTATIONS OF RUSSIAN AND POLISH CAMP LITERATURE BASIC CONCEPTS

A.Y. Kamenskaya

Tver State University, Tver

The article deals with basic concepts of twentieth century's Russian and Polish camp literature and with lexical representations of these concepts. The article discusses the main features of the camp vocabulary used in the works of camp writers, and some features of individual concept systems and individual sets of lexical means.

Keywords: *conceptology, lexical representations of a concept, camp literature, Polish literature, Warlam Shalamow, Tadeush Borowski.*

Об авторе:

КАМЕНСКАЯ Анастасия Евгеньевна – ассистент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета, e-mail: kamienska.anastazja1988@gmail.com